

Вера и знание

Опубликовано:
Христианское чтение. 1889. № 1-2. С. 3-32.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Вѣра и знаніе.

(Продолженіе ¹).

VII.

Свобода воли.

Въ предыдущихъ очеркахъ мы уже разобрали, на почвѣ чисто научныхъ данныхъ, доктрину, отвергающую всякія религіозныя идеи и представленія, и, благодаря безпристрастному анализу, имѣли возможность убѣдиться, что доктрина эта одинаково несостоятельна и въ своихъ основахъ, и въ своемъ существѣ. Ученію этихъ, по выраженію Liebig'a, поверхностныхъ мыслителей, т. е., проповѣдниковъ матеріализма, мы противопоставили солидно обоснованныя убѣжденія лучшихъ натуралистовъ нашего времени, и читатели уже видѣли, на чьей сторонѣ оказался перевѣсъ въ пользу истины и научности принциповъ соперничающихъ мировоззрѣній.

Теперь, въ интересахъ окончательнаго и всесторонняго подтвержденія нашихъ выводовъ, въ корнѣ разбивающихъ фантастическія измышленія матеріалистовъ, намъ необходимо заняться еще изученіемъ того психологическаго факта, который извѣстенъ въ наукѣ подъ техническимъ терминомъ свободы человѣческой воли. Этому предмету мы и посвящаемъ настоящій очеркъ.

Человѣкъ одаренъ особою духовною силою, выражающеюся въ присущей ему свободѣ самоопредѣленія, или другими словами: свободѣ размышлять, желать и рѣшаться, совершенно независимо

¹) См. «Христ. Чт.» 1888. II. 611—639.

шей волевой дѣятельности, зависятъ цѣлкомъ и исключительно отъ механическихъ движеній въ организмѣ и не представляютъ въ себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ хоть сколько нибудь свободнаго самоопредѣленія воли. Такъ, воръ не былъ свободенъ украсть или не украсть, потому что, разъ онъ укралъ чужую вещь, то это значитъ лишь, что идѣвшіе мѣсто въ его организмѣ и предшествовавшіе воровству механическіе процессы, вызванные и обусловленные введенною въ его желудокъ пищею, свойствами атмосфернаго воздуха, которымъ онъ дышалъ, и прочими, чисто матеріальными условіями, вліявшими на него, — всѣ эти процессы были таковы, что необходимо должны были вызвать въ его головномъ мозгу идею воровства и рѣшимость осуществить его — рѣшимость, подавить которую было не въ его власти. Равнымъ образомъ, помогающій своему ближнему находится въ томъ же положеніи, что и воръ — съ тою лишь разницею, что происходящіе въ первомъ безсознательные органическіе процессы внушаютъ ему, съ нестражиною необходимостью, актъ благотворительности, дѣло помощи ближнему, тогда какъ вору такіе же безсознательные органическіе процессы внушаютъ, съ тою же непобѣдимую неизбѣжность, практическое отрицаніе чужой собственности. И какъ воръ не подлежитъ никакой отвѣтственности за свое дѣяніе, которое онъ совершилъ не по свободной волѣ, такъ и помогающій своему ближнему не достоинъ никакой похвалы, потому что онъ дѣйствуетъ исключительно подъ вліяніемъ императивной необходимости, обусловленной реакціею естественныхъ законовъ его организма. — Такъ относится матеріализмъ къ вопросу о свободѣ воли, и для того, чтобы насъ не заподозрили въ утрировку его доктрины, мы сошлемся на подлинныя слова нѣкоторыхъ изъ представителей антиспиритуалистическаго міровоззрѣнія.

„Свобода человѣческой воли“, говоритъ Moleschott, „является плодомъ несостоятельной, ложной идеи, такъ какъ вся внутренняя сторона человѣческой дѣятельности не обладаетъ какою либо самостоятельною сущностью, а цѣлкомъ зависитъ исключительно отъ развивающихся въ тѣлѣ чловѣка физическихъ процессовъ“.

„Слова: преступокъ, заблужденіе, преступленіе“, поясняетъ

Вюхнеръ, „всѣ эти и имъ подобныя слова не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ самая идея объ отвѣтственности челоуѣка за свои дѣйствія представляется, въ виду отсутствія у людей свободы воли, совершенно несостоятельною. Идеи добраго, хорошаго и прекраснаго—лишены всякой реальной основы. Любовь и ненависть, храбрость и предательство, лицемеріе, преступленія, разбой, убійства, все это—необходимые и неизбежныя дериваты молекулярныхъ движеній въ области головного мозга. Челоуѣкъ долженъ дѣйствовать такъ, какъ того требуетъ его природа, относясь съ полнымъ безразличіемъ къ тому, что привыкли называть совѣстью“.

Такая постановка вопроса представляется логически совершенно правильною, съ точки зрѣнія матеріализма, и вполне согласно съ основоположеніями послѣдняго. Но этого, очевидно, еще слишкомъ мало для того, чтобы признать правильною саму матеріалистическую систему, которая, и при всей логической послѣдовательности ея тезисовъ, прежде всего, никоимъ образомъ не мирится съ фактомъ свободы челоуѣческой воли. Въ самомъ дѣлѣ, свобода эта предполагаетъ наличность въ челоуѣкѣ особой самостоятельной силы, дѣйствующей вполне независимо отъ постоянства и необходимости, обуславливаемыхъ физическими законами организма, и обладающей способностью свободнаго выбора между тѣми или иными идеями, убѣжденіями, рѣшеніями и желаніями. Въ виду этого факта, удостоверяющаго, что однимъ изъ основныхъ агентовъ челоуѣческой дѣятельности является свободная воля, — въ виду этого факта, матеріалистическая система разлетается въ прахъ, будучи построена на предположеніи, по которому внѣ вещества не существуетъ будто бы никакихъ силъ, не подчиненныхъ механическимъ законамъ матеріальныхъ тѣлъ.

Переходя, затѣмъ, къ обоснованію истины о нравственной свободѣ челоуѣка, мы воспользуемся, для этой цѣли, данными и соображеніями слѣдующихъ четырехъ порядковъ:

а) Доказательства, вытекающія изъ всеобщности убѣжденія въ свободѣ челоуѣческой воли;

б) доказательства, основанныя на логикѣ самого матеріализма,

в) на анализѣ произвольныхъ дѣйствій челоуѣка, и,

наконецъ, г) на практическихъ выводахъ изъ принциповъ матеріалистической доктрины.

1. Всюобщее увѣдѣнiе.

Всюобщность увѣдѣнiя въ истинности какого либо факта, конечно, не всегда служитъ вѣрнымъ ручательствомъ въ его реальной дѣйствительности и не всегда можетъ быть признана достаточнымъ доказательствомъ правдивости и основательности самаго увѣдѣнiя. Но она, эта всюобщность, является лучшимъ критерiемъ истины и неопровержимымъ, въ ея пользу, аргументомъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ увѣдѣнiяхъ, касающихся легко распознаваемыхъ фактовъ, признаки которыхъ безъ труда могутъ быть констатированы каждымъ человекомъ, помимо всякой спеціальной или научной подготовки. Здѣсь, въ этихъ случаяхъ, общественное мнѣнiе, въ качествѣ выразителя общественнаго увѣдѣнiя, можетъ смѣло идти въ разрѣзъ и успѣшно конкурировать даже съ выводами научнаго изслѣдованiя и анализа, такъ какъ въ вещахъ, доступныхъ каждому, простая очевидность, при всѣхъ предположенiяхъ, имѣетъ больше цѣны, чѣмъ, какія бы то ни было, искусственно построенныя доказательства и соображенiя.

Вопросъ о свободѣ человеческой воли принадлежитъ къ числу тѣхъ, по которымъ каждый, на основанiи своего личнаго опыта, можетъ составить себѣ вполне правильное сужденiе. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ человека, которому не случилось бы быть въ такомъ положенiи, когда онъ желалъ, рѣшался и дѣйствовалъ совершенно вопреки требованiямъ и, такъ сказать, вождѣлѣнiямъ своего тѣла. Нѣтъ человека, который не признавалъ бы за самимъ собою обязанности выполнять свой долгъ и который не требовалъ бы исполненiя долга и отъ другихъ. А именно идея долга и служить опорнымъ пунктомъ для разрѣшенiя занимающаго насъ вопроса. Разъ мы утверждаемъ, что мы обязаны покровительствовать и воспитывать нашихъ дѣтей, что мы должны уважать жизнь и собственность нашего ближняго и выполнять даваемыя нами общенiя,—разъ мы утверждаемъ это, то, тѣмъ самымъ, признаемъ, что

Въ насъ существуетъ сила и способность исполненія или нарушенія долга, и что какъ нарушеніе, такъ и выполненіе нами нашихъ обязанностей не зависятъ исключительно отъ бессознательныхъ механическихъ причинъ. И, подобно тому, какъ отдѣльная личность, формулируя идею долга, тѣмъ самымъ признаетъ реальность свободы воли, такъ и социальныя группы, разрѣшая или запрещаая, своими законодательными опредѣленіями, тѣ или иныя дѣйствія, руководствуются при этомъ убѣжденіемъ, что человѣку присуща сила и способность сообразоваться въ своихъ поступкахъ съ предписаніями положительнаго права. Никогда, на протяженіи всей своей исторіи, человѣчество не возбуждало никакихъ сомнѣній по этому вопросу, и никогда человѣкъ, въ своей практической жизни, не шелъ, въ этомъ отношеніи, въ разрѣзъ съ всеобщимъ убѣжденіемъ человѣчества. Но что всего болѣе замѣчательно и удивительно, такъ это то, что и сами матеріалисты, всѣми своими дѣйствіями и поступками, самымъ краснорѣчивымъ образомъ опровергаютъ, на каждомъ шагу, свою собственную доктрину. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, попробуйте — ну, хотя бы ударить одного изъ наиболѣе фанатическихъ приверженцевъ матеріализма. Вы думаете, что онъ, при этомъ, отнесется совершенно апатично къ вашему удару и, прижмываясь къ принципамъ своей догмы, по которой вашъ поступокъ долженъ быть признанъ обусловленнымъ, съ неизбѣжною необходимостью, бессознательными причинами, взглянетъ на вашу выходку, какъ на случайно попавшій въ него камень, или свалившуюся на него древесную вѣтку?—Вы ошибаетесь: нашъ матеріалистъ поступитъ совсѣмъ иначе. Онъ либо раздѣляется съ вами, въ отвѣтъ на вашъ ударъ, собственноручно, либо возбудитъ противъ васъ судебное преслѣдованіе, въ уголовномъ порядкѣ. Если же вы, защищаясь, укажете ему на статью закона, въ силу которой проступокъ подлежитъ наказанію лишь тогда, когда онъ былъ актомъ свободной воли субъекта; если вы станете утверждать, что нанесли ударъ не произвольно, а подъ влияніемъ неотразимаго импульса, обусловленнаго съѣденною вами передъ тѣмъ пищею, состояніемъ и свойствами атмосфернаго воздуха, которымъ вы дышали, и т. п.,—то оскорбленный матеріалистъ не задумается

привести, въ опроверженіе вашей защиты, рядъ доказательствъ въ пользу того, что, нанося ударъ, вы дѣйствовали по побужденію свободной и непринужденной воли.—Но, быть можетъ, вы не желаете, въ видахъ испытанія твердости убѣжденій матеріалиста, подвергать себя непріятности быть привлеченнымъ къ уголовной отвѣтственности, въ такомъ случаѣ, вамъ совершенно достаточно немного поближе приглядѣться къ нему въ его домашнемъ, семейномъ быту. Если онъ, къ примѣру, ревнивый супругъ, то, зная прекрасно, что отъ свободной воли его жены зависитъ уходить или не уходить изъ дому, онъ запрещаетъ ей одной покидать квартиру. Попробуй жена нарушить это запрещеніе, попробуй она уйти изъ дому, безъ вѣдома мужа, и вернуться назадъ, къ семейному очагу, поздней ночью. Вы полагаете, что, при этомъ, ревнивый супругъ-матеріалистъ, прижвняясь къ началамъ антиспиритуалистическаго ученія, останется равнодушнымъ къ проступку своей жены? Вы думаете, что онъ сочтетъ ее неотвѣтственною за ея поведеніе и оставитъ ее въ покоѣ?—Вы жестоко ошибаетесь. Онъ, какъ и всѣ ревнивые мужья, подыметъ цѣлую бурю, устроитъ болѣе или менѣе сложную, семейную сцену и станетъ осмыпять свою ослушную супругу потокомъ укоровъ и упрековъ. Случись, при этомъ, посторонній зритель, который позволялъ бы себѣ напомнить расхвалившемуся ревнивцу теорію Фохта и Вюхнера,—и нашему матеріалисту не осталось бы ничего болѣе, какъ сказать то же самое, что сказалъ когда то его единомышленникъ, Lamettrie: „Я говорю одно, а пишу другое. Дома я говорю то, что думаю, а другимъ говорю то, что считаю полезнымъ говорить“.—И такъ поступаютъ всѣ адепты и апостолы матеріализма. Они проповѣдуютъ, что человѣкъ, будучи лишень духовнаго существа, по необходимости лишень и свободы воли,—проповѣдуютъ, но сами этому не вѣрятъ. Они печатно заявляютъ, что человѣкъ подчиненъ исключительно механическимъ, непреложнымъ законамъ матеріи,—а сами, въ своихъ поступкахъ и дѣйствіяхъ, сообразуются съ убѣжденіями совершенно противоположнаго характера. Да иначе и быть не можетъ, потому что доктрина матеріализма неизбежно блѣднѣетъ и испаряется, въ виду очевидности факта существованія въ человѣкѣ

силы и способности свободно желать и свободно самоопредѣляться въ своей дѣятельности, независимо отъ императивовъ матеріи.

Таково всеобщее убѣжденіе человѣчества, въ отношеніи вопроса о свободѣ человѣческой воли. Здѣсь нѣтъ даже никакихъ индивидуальныхъ исключеній, никакихъ колебаній, ни одного мало-мальски искренняго сомнѣнія.

2. Свобода воли и логика матеріализма.

Согласно ученію антиспиритуалической доктрины, идеи и убѣжденія человѣка являются исключительно плодомъ механическихъ движеній въ области головного мозга, вызываемыхъ впечатлѣніями, производимыми на органы чувствованія внѣшними предметами. Но, если это такъ, то какиѣ же образомъ могла возникнуть въ мозгу человѣка идея о свободѣ воли, представляющаяся, прежде всего, кореннымъ отрицаніемъ механичности нашего существа?

Становясь на точку зрѣнія матеріализма, мы прекрасно понимаемъ возможность возникновенія ложныхъ идей относительно внѣшнихъ предметовъ. Такъ, на примѣръ, наблюдая восходъ и закатъ солнца, люди пришли къ ложному убѣжденію, что будто бы солнце вращается вокругъ земли. Однако, наука доказала ошибочность этой идеи и установила правильное положеніе, по которому земля вращается вокругъ солнца, а не наоборотъ. И, вообще говоря, ошибки въ отношеніи внѣшнихъ объектовъ возможны и понятны. Но какиѣ образомъ могло образоваться въ сознаніи человѣка понятіе о свободѣ собственной воли?

Все окружающее насъ подчинено непреложнымъ механическимъ законамъ природы, и человѣкъ, по ученію матеріалистовъ, будучи, въ свою очередь, подчиненъ тѣмъ же непреложнымъ законамъ вещества, ровно ничѣмъ не отличается. въ этомъ отношеніи, отъ прочихъ матеріальныхъ тѣлъ. Какъ могла, при такихъ условіяхъ, формулироваться въ человѣческомъ мозгу идея о свободѣ воли? Какиѣ образомъ вещественный механизмъ мозга, — если только онъ, какъ утверждаютъ матеріалисты, производитъ сужденія и рѣшенія, совершенно независимо отъ какой бы то ни было высшей духовной силы, — какиѣ образомъ этотъ механизмъ

могъ создать идею свободнаго волепроявленія личности?—Вѣдь, и внѣ человѣка, и въ немъ самомъ, существуетъ лишь матерія и механически непреложная необходимость. Такъ, по крайней мѣрѣ, учить матеріализмъ: Но, если это правда, то какая сила, какой внѣшній объектъ вызвали въ мозгу человѣка молекулярное движеніе, формулировавшее мысль о нравственной и духовной свободѣ личности, т. е., мысль о томъ, чего, какъ утверждаетъ матеріализмъ, вовсе не существуетъ въ природѣ? И какъ могло случиться, что мозги всего человѣчества, не взирая на слишкомъ двадцативѣковыя вразумленія и разъясненія со стороны матеріалистовъ, продолжаютъ и до нынѣ постоянно производить одну и ту же идею о моральной свободѣ человѣка и упорно остаются при неизмѣнномъ убѣжденіи, что всѣ наши желанія и рѣшенія являются не результатомъ совершающихся въ нашемъ организмѣ матеріальныхъ процессовъ, но плодомъ высшей духовной силы — силы свободной и независимой отъ тѣла?

Выводъ изъ предыдущихъ соображеній, очевидный самъ по себѣ, можетъ быть прекрасно подтвержденъ анализомъ одного, въ высшей степени важнаго, психологическаго факта.

Мы говоримъ о присущей человѣку способности произвольно, по собственному усмотрѣнію, извращать истину и вполне сознательно утверждать то, чего въ дѣйствительности вовсе не было. Предположимъ, для примѣра, что сегодня утромъ васъ посетилъ одинъ изъ вашихъ друзей; вы охотно приняли его и не мало времени посвятили дружеской болтовнѣ съ нимъ. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ его ухода, васъ спрашиваютъ, видали ли вы своего друга. Согласно доктринѣ матеріализма, образъ вашего друга, при свиданіи съ нимъ, механически запечатлѣлся въ вашемъ мозгу и въ такомъ видѣ долженъ сохраняться въ вашей памяти. Затѣмъ, подъ влияніемъ предложеннаго вамъ вопроса, хранящійся въ вашей памяти образъ оживаетъ, удерживающія его мозговья кліточки приходятъ въ механическое движеніе, воздѣйствуютъ, при посредствѣ соответствующихъ нервныхъ путей, на вашъ органъ рѣчи, который, въ свою очередь, долженъ формулировать, при данныхъ предположеніяхъ, положительный отвѣтъ: „Да, я его видѣлъ се-

годва утромъ". — Но допустимъ, что вы, почему либо, желаете скрыть съдѣланный вамъ визитъ, не хотите, чтобы о немъ знали другіе. Въ такомъ случаѣ, вы не задумаетесь сказать, что не видали навѣстившаго васъ друга, и, вполне сознательно извращая истину, отвѣтите отрицательно на предложенный вамъ вопросъ. Какимъ же образомъ создалась здѣсь ложь, совершенно не согласная съ фактами реальной дѣйствительности? Какая сила, какая причина вызвала въ вашемъ мозгу движеніе, давшее въ результатѣ представленіе о томъ, чего не существовало, или, точнѣе говоря, представленіе, отрицающее то, что было на самомъ дѣлѣ? Почему и чѣмъ естественныя движенія мозга оказались 'подавленными и какимъ образомъ, вмѣсто нихъ, возникла матеріально ничѣмъ неподготовленная вибрація клѣточекъ, обусловившая вашъ ложный отвѣтъ, противорѣчащій какъ реальнымъ фактамъ, такъ и сохраняющемуся въ вашей памяти слѣду внѣшнихъ впечатлѣній? — Матеріалисты утверждаютъ, что память создается получающимися въ мозгу отпечатками внѣшнихъ объектовъ, и что, потому, отпечатки эти при наступленіи соответствующихъ условій, вызываютъ, въ тѣхъ или иныхъ участкахъ мозговой массы, молекулярныя движенія, реагирующія, сообразно своему существу и характеру, между прочимъ, и на органы рѣчи. Все это прекрасно, но не менѣе вѣрно и то, что ложь, умышенное извращеніе истины, лишенное всякой реальной основы и не базированное ни на какихъ отпечаткахъ въ мозгу, можетъ затѣмнить собою дѣйствительно имѣющіеся въ мозгу впечатлѣнія, можетъ измѣнить нормальное проявленіе механической энергіи мозгового вещества, можетъ противопоставить реальности то, 'чего нѣтъ и не было, и можетъ, наконецъ, внушить и органамъ рѣчи выраженіе факта не существовавшего и не запечатлѣннаго въ клѣточкахъ мозга. Такъ, въ нашемъ прихѣтрѣ образъ друга имѣлъ свой отпечатокъ въ вашемъ мозгу, и, согласно механическимъ законамъ вещества, вашъ отвѣтъ долженъ былъ бы быть утвердительнымъ. Однако, располагая способностью свободно создавать идеи, даже противныя реальной дѣйствительности, и, при помощи ихъ, воздѣйствовать на ваши органы рѣчи, вызывая въ нихъ акты энергіи, совершенно независимой отъ какихъ бы то ни

было механическихъ законовъ, вы отвѣчаете на предложенный вамъ вопросъ отрицательно, подавляя, такимъ образомъ, ложью, продуктомъ вашего духа, реальную истину, — и, при томъ, дѣлаете вы это не по ошибкѣ или недоразумѣнію, а по собственному произволу, въ силу свободнаго и сознательнаго желанія скрыть реальную правду.

Вотъ эта то сила свободнаго соображенія и выбора между истиною и ложью, эта способность подавлять правду и отращаться отъ получающихся въ мозгу отъ внѣшнихъ предметовъ впечатковъ, эта возможность оттѣснять реальную дѣйствительность продуктами сознательнаго измышленія, — именно онѣ и служатъ выраженіемъ свободы человѣческой воли, свободы, которую, по необходимости, приходится признать за фактъ и съ точки зрѣнія материалистической доктрины, не допускающей ни образованія убѣжденій, идей и рѣшеній, ни развитія въ органахъ тѣла активной энергіи, независимо отъ матеріи и управляющихъ ею механическихъ законовъ.

3. Анализъ произвольныхъ дѣйствій.

Проявленія нашей воли часто бываютъ обусловлены непосредственно животнымъ инстинктомъ или нашими чисто тѣлесными нуждами и потребностями. Такъ, предвидя опасность, угрожающую чѣмъ либо нашему существованію, мы хотимъ избѣгнуть ея и, съ этою цѣлью, принимаемъ, сообразно даннымъ обстоятельствамъ, тѣ или иные мѣры, задумываемъ и совершаемъ тѣ или иные дѣйствія. Далѣе, потребность питанія и необходимость удовлетворенія ея вызываютъ у человѣка опредѣленную дѣятельность, направленную къ производству, выработкѣ и накопленію питательныхъ продуктовъ, а необходимость защитить наше тѣло отъ вліянія стужи побуждаетъ насъ придумывать соотвѣтствующія средства для устраненія губельныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго холода и его дѣйствія на организмъ. На ряду съ нуждами личнаго индивидуальнаго существованія, семейный и общественный бытъ ямульсируютъ человѣческую дѣятельность въ опредѣленномъ направленіи и побуждаютъ насъ стремиться къ достиженію цѣлей, хотя и не связанныхъ непосредственно съ потребностями органи-

ческаго существованія личности, но, за то, рассчитанныхъ на упрощеніе соціального благосостоянія, или вообще на удовлетвореніе семейныхъ и общественныхъ нуждъ человѣка. Всѣ эти и имъ подобныя проявленія человѣческой воли, хотя во многомъ и отличаются отъ параллельныхъ дѣйствій прочихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе, въ сущности, имѣютъ одну и ту же природу, что и послѣднія.

Однако, произвольныя дѣйствія человѣка далеко не ограничиваются только что очерченною сферою. Пользуясь присущею ему силою мышленія и сужденія, человѣкъ можетъ создавать для своей дѣятельности особыя цѣли, совершенно независимыя отъ какихъ бы то ни было органическихъ—какъ животно-инстинктивныхъ, такъ и соціальныхъ потребностей. Вопреки всѣмъ механическимъ законамъ матеріи, онъ въ состояніи давать порою своей энергіи особое направленіе и настойчиво слѣдовать ему, даже при помощи средствъ и приѣмовъ противныхъ повелительнымъ императивамъ его тѣлесныхъ потребностей и нуждъ. Въ этихъ случаяхъ человѣкъ является уже не просто однимъ изъ видовъ обычнаго животнаго существованія. Здѣсь онъ, въ одно и то же время, законодатель и авторъ дѣйствія, доказывающаго съ полною очевидностью, что въ немъ, въ его тѣлесномъ организмѣ, обитаетъ высшая сила, сила духовная и свободная, не только не подчиненная механическимъ законамъ природы, но, наоборотъ, направляющая, регулирующая и часто побуждающая послѣдніе.

За примѣрами такой, исключительно человѣку присущей, дѣятельности ходить не далеко.

Вводя руку въ пылающее пламя, человѣкъ ощущаетъ боль, которая побуждаетъ его поскорѣе удалить страдающій членъ отъ причиняющаго эту боль предмета. Такое побужденіе является прямымъ и необходимымъ послѣдствіемъ основного закона органическаго самочувствія—закона, въ силу котораго животное ищетъ того, что доставляетъ ему удовольствіе, и стремится избѣгать всего, что способно причинить ему страданіе. Таковъ органическій законъ. И однако, человѣкъ, обладая способностью, по свободному произволу, побуждать тѣлесные законы своего организма, сознательно вводитъ руку въ огонь и, преодолевая инстинктивное побужденіе усиленно

свободной воли, переносить невѣроятныя страданія, дѣлаясь самъ свидѣтелемъ добровольнаго мучительнаго разрушенія собственной своей руки. Боль, инстинктъ, естественная тенденція самочувствія и лежащіе въ основѣ ея механическіе законы тѣла—все, въ этомъ случаѣ, побуждало чловѣка поступить совершенно противно его геройской рѣшимости. Но юный римскій герой, воодушевленный искреннею преданностью родицѣ, сумѣлъ преодолѣть, силою своей свободной воли, и боль, и страданіе, и императивные импульсы животнаго самочувствія и сознательно совершилъ поступокъ, самымъ кореннымъ образомъ противорѣчащій всемъ условіямъ и тенденціямъ органическаго существованія, во всѣхъ его формахъ.

Другой примѣръ.

На суднѣ, въ открытомъ морѣ, вспыхнулъ пожаръ. Еще немного—и судно, вмѣстѣ съ его экипажемъ и пассажирами, неминуемо сдѣлается жертвою огня. Остается одна единственная, слабая надежда на спасеніе—въ лодкахъ. Теперь обратите вниманіе на храбраго, великодушнаго капитана; прислушайтесь къ его командѣ и распоряженіямъ!—Ему стоитъ только прыгнуть въ спущенную уже на воду лодку, оттолкнуть ее отъ нылающаго судна—и онъ, быть можетъ, спасенъ, а инстинктъ самосохраненія внушаетъ ему поступить именно такъ. И, однако, онъ, въ виду грозной опасности, мѣнѣе всего думаетъ о самомъ себѣ и о своемъ спасеніи. Его неустрашимый голосъ громко даетъ послѣднія приказанія, ободряя растерявшихся матросовъ и руководя снѣшную работой, къ спасенію экипажа и пассажировъ злополучнаго судна. Его нечеловѣческія усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: все спасены! Не успѣлъ снастись онъ одинъ только, этотъ благородный, великодушный капитанъ. Онъ одинъ погибаетъ ужасною смертью, при исполненіи своихъ обязанностей; онъ одинъ становится жертвою неумолимой стихіи... Но что же побудило его принять такую возвышенную, благородную рѣшимость? Органическіе законы его тѣла? Или, быть можетъ, случайно попавшіе въ его мозгъ атомы желѣза или фосфора обусловили этотъ удивительный актъ самопожертвованія? Или, наконецъ, животный инстинктъ, быть можетъ, обрекъ на смерть эту благородную жизнь?—Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Оста-

внѣ въ сторонѣ всѣ эти ложныя, нечестивыя теоріи и перестанемъ унижать недостойною клеветой добровольное мученичество и возвышенное самопожертвованіе, во имя долга и человѣколюбія? Онъ погибъ, этотъ великодушный капитанъ, потому, что самъ хотѣлъ этого. Его могучая свободная воля, подкрѣпленная и воодушевленная сознаніемъ лежавшей на немъ обязанности, побѣдила силу инстинкта и импульсовъ животнаго самосохраненія. Она самоопредѣлилась къ погибели, во имя долга и спасенія чужой жизни, и внушила эту рѣшимость тѣлу, вопреки всѣмъ органическимъ тенденціямъ послѣдняго.

Андрѣ Гизо, отецъ знаменитаго историка, будучи осужденъ на смерть однимъ изъ революціонныхъ судилищъ первой французской демократіи, успѣлъ бѣжать изъ-подъ ареста и оставался въ-которое время на свободѣ, скрываясь отъ преслѣдованія въ горныхъ пещерахъ и ущеліяхъ. Одному изъ военныхъ отрядовъ революціоннаго правительства удалось напасть на его слѣдъ. Онъ былъ пойманъ, закованъ въ цѣпи и переданъ въ руки національному гвардейцу, который долженъ былъ конвоировать его до ближайшей тюрьмы. Гвардеецъ этотъ случайно оказался давно знакомымъ съ семействомъ плѣнника. Движимый чувствомъ состраданія и давнишняго расположенія ко всему дому Гизо, онъ предложилъ порученному его надзору Андрѣ спастись бѣгствомъ, обѣщая по возможности облегчить ему послѣднее. Гизо, въ то время, былъ отцемъ пятерыхъ дѣтей, и отеческая любовь и тревога за судьбу беззащитныхъ существъ внушали ему воспользоваться счастливымъ предложеніемъ, не задумываясь надъ очевидной опасностью, которая, въ случаѣ бѣгства Гизо, неизбежно угрожала бы его великодушному спасителю. Но въ то время, когда оковы были уже почти совершенно сняты съ него, Гизо оправился отъ волненія, охватившаго его въ первую минуту, въ виду столь неожиданно представившейся возможности избѣгнуть казавшейся неминуемою гибели, и, обратившись къ гвардейцу, спросилъ, есть ли у него дѣти. „Да!“ отвѣчалъ гвардеецъ, „я отецъ троихъ дѣтей“. — „О, если такъ, то будешь продолжать нашъ путь“, спокойно сказалъ Гизо, „потому что было бы несправедливо, чтобы, ради спасенія отца моихъ

дѣтей, отецъ твоихъ подвергался серьезной опасности погибнуть". — На слѣдующій день осужденный Гизо былъ возведенъ на эшафотъ и умеръ подъ ножомъ гильотины.

Но довольно примѣровъ. Они слишкомъ общезвѣстны для того, чтобы стоило долже останавливаться на нихъ. Обратимся къ прерванной нити нашего разсужденія.

Къ счастью, для окончательнаго разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, намъ не зачѣмъ прибѣгать ни къ авторитетнымъ указаніямъ науки, ни къ мнѣнію специально компетентныхъ въ дѣлѣ лицъ, потому что, въ этомъ случаѣ, каждый изъ насъ способенъ самъ составить правильное сужденіе о предметѣ, не обращаясь къ посторонней помощи. Разъ материалисты сами признаютъ, что принципы ихъ доктрины и все ихъ ученіе вѣрны лишь по столько, по сколько въ человѣкѣ нѣтъ никакихъ силъ, независимыхъ отъ тѣла и механическихъ законовъ матеріи, — разъ они сами утверждаютъ это, то намъ очень легко обнаружить всю ложность ихъ антиспиритуалистической догмы, пользуясь исключительно указаніями нашей совѣсти и руководствуясь, въ нашемъ изслѣдованіи, простымъ здравымъ разсудкомъ. Въ самомъ дѣлѣ, откровенія совѣсти и голосъ здраваго разсудка убѣждаютъ насъ въ реальномъ существованіи въ человѣкѣ самоопредѣляющейся, свободной силы, независимой отъ какихъ бы то ни было матеріальныхъ органическихъ законовъ. Присутствіе въ насъ этой силы мы ощущаемъ такъ же опредѣленно и видимъ такъ же ясно, какъ видимъ свѣтъ дневной своими глазами, и каждый изъ насъ, задумавшись хоть немного надъ собственными желаніями и дѣйствіями, непременно придетъ къ слѣдующему выводу, уже одна очевидность котораго въ достаточной мѣрѣ говорить за его несомнѣнную правильность.

Вотъ этотъ выводъ:

Подвергая анализу свои желанія, волеопредѣленія и поступки, я замѣчаю, что большинство изъ нихъ обусловлено нуждами, потребностями и врожденными инстинктами моего тѣла, вызываемъ стремленіемъ къ ожидаемому удовольствію или стараніемъ избѣгнуть физической боли, страданія, неудовольствія. Но, въ то же время, я вполне убѣжденъ, что другіе равныя образцы собственнаго

мнѣ поступки, дѣйствія и желанія не имѣютъ ничего общаго съ тѣлесными потребностями моего организма, а порой даже прямо-противорѣчатъ естественнымъ стимуламъ послѣдняго. Идея справедливости, чести и долга заставляютъ меня иной разъ сопротивляться вожделѣнιάмъ тѣла, добровольно подвергать себя различнымъ лишениямъ и подавлять въ себѣ требованія инстинкта и естественное стремленіе къ удовольствію. Пользуясь присущею мнѣ способностью бороться съ природными тенденціями моего матеріальнаго существа, я смягчилъ свой вообще склонный къ насилію и несправедливости характеръ; я отрѣшился отъ животнаго эгоизма, который предпринимаютъ мнѣ непосредственныя требованія моего тѣла, и теперь, благодаря этому, способенъ, при случаѣ, ограничивать себя и даже страдать, поскольку то нужно для пользы моего ближняго; наконецъ, инстинкту самосохраненія я, если захочу, могу противопоставить сознательное, добровольное самопожертвованіе моимъ существованіемъ, во имя долга, чести или для славы отечества. Когда, иной разъ, случается мнѣ нарушить либо неполнѣе выполнить лежащую на мнѣ обязанность, то я испытываю угрызения совѣсти и, при этомъ, прекрасно понимаю, что угрызения эти были бы совершенно необъяснимымъ явленіемъ, если бы во мнѣ не существовало твердаго убѣжденія, что я былъ свободенъ выполнить свой долгъ или нарушить его. Далѣе, реальность какого либо факта, достигающаго черезъ нервные проводники до моего сознания, запечатлѣвается въ моей памяти, и, тѣмъ же менѣе, я могу, при желаніи, подавить въ своемъ умѣ этотъ отпечатокъ, могу самъ создать мысленно фактъ, котораго въ дѣйствительности никогда не было, и, такимъ образомъ, поставить сознательную ложь на мѣсто для меня самого очевидной правды. Да и не только я одинъ, но и окружающіе меня и все человѣчество нигдѣ и никогда не возбуждало никакихъ сомнѣній по поводу свободы человѣческой воли. Въ свою очередь, и философы, занимавшіеся изученіемъ и анализомъ свойственныхъ людямъ идей и чувствъ, начиная Платономъ и Аристотелемъ и вплоть до Бэкона, Руссо, Канта и Кузена, все приходили, въ результатѣ своихъ научныхъ изслѣдованій, къ тому же самому заключенію, къ которому привело меня просто

осмысленное отношеніе къ моимъ собственнымъ рѣшеніямъ и поступкамъ.

Таковъ выводъ здраваго разсудка изъ анализа волепроявленій чловѣка, и никакого другого анализа, въ этомъ случаѣ, не нужно вовсе для удостовѣренія того, что чловѣку дѣйствительно присуща сила свободной воли. Фактъ этотъ очевиденъ самъ по себѣ и не требуетъ никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Онъ всегда былъ, есть и будетъ неизмѣнной основой всякой дѣятельности, какъ индивидуальной, такъ и общественной. Только упорный фанатизмъ антиспиритуалистовъ, подкрѣпляемый ихъ чудовищными софизмами и измышленіями, могъ подвергнуть сомнѣнію такой очевидный фактъ, уподобляя этихъ мнимыхъ философовъ тѣмъ рьянымъ скептикамъ, которые не задумывались отрицать существованіе солнца и другихъ матеріальныхъ объектовъ, о реальности которыхъ свидѣлствуютъ наши внѣшнія чувства. Ничего не можетъ быть труднѣе подыскиванія діалектическихъ доказательствъ въ пользу совершенно не пуждающихся въ нихъ, очевидныхъ фактовъ и аксіоматическихъ истинъ. Тѣмъ менѣе нуждается въ нихъ фактъ свободы чловѣческой воли, неограниченно господствующій во всей нравственной жизни индивидуума и всѣхъ соціальныхъ группъ, — этотъ фактъ, несомнѣнные и безспорные слѣды котораго мы постоянно встречаемъ повсюду, куда бы ни обратили свои взоры, и въ настоящемъ и въ прошедшемъ чловѣка и чловѣчества.

4. Практическіе выводы изъ матеріалистической доктрины.

Указывая на непосредственныя послѣдствія отрицанія свободы чловѣческой воли, мы вовсе не думаемъ отвергать матеріалистическую доктрину только на основаніи ея выводовъ. Остановливаясь на этихъ выводахъ и послѣдствіяхъ, мы имѣемъ въ виду лишь подкрѣпить изложенныя уже выше соображенія и, такимъ путемъ, еще болѣе выяснить правильность всеобщаго убѣжденія чловѣчества въ свободѣ нашей воли. Такой логической приемъ едва ли можетъ быть заподозрѣнъ хоть сколько нибудь. Когда мы отвергаемъ какую либо предлагаемую намъ теорію объ улучшеніи и усовершенствованіи даннаго растенія, въ виду того,

что примѣненіе ея постоянно вело къ ухудшенію и даже полному высыханію послѣдняго, то мы, строго говоря, не отрицаемъ теорію на основаніи послѣдствій ея примѣненія, но лишь по этимъ послѣдствіямъ судимъ о несостоятельности самой теоріи. Такимъ образомъ, математикъ, доказывающій правильность теоремы нелѣпостью вывода, какой получается при принятіи противнаго ей положенія, къ сущности основываетъ свое заключеніе не на этихъ нелѣпыхъ выводахъ, взятыхъ сами по себѣ, но лишь отъ нелѣпости вывода умозаключаетъ о нелѣпости противнаго теоремѣ положенія, а, послѣдовательно, и о правильности самой теоремы (доказательство отъ противнаго, *argumentum a contrario*). Точно также, если теорія матеріалистовъ о свободѣ воли приводитъ, практически, къ нелѣпымъ послѣдствіямъ и выводамъ, отвергаемымъ совѣстью и противорѣчающимъ самой природѣ человѣка, то мы несомнѣнно въ правѣ осудить эту теорію, но, конечно, не исключительно на основаніи ея послѣдствій, но въ виду абсурдности самой теоріи, обнаруживаемой нелѣпостью логическихъ выводовъ изъ нея.

Нравственность и нравственное сознаніе являются главными отличительными признаками человѣка отъ прочихъ животныхъ существъ. Чарльзъ Дарвинъ, авторитетности котораго не станеть отрицать ни одинъ матеріалистъ, — самъ Дарвинъ утверждалъ, что отличие человѣка отъ остальныхъ животныхъ не выражается ни въ его тѣлесной организаціи, ни въ присущихъ ему умственныхъ силахъ, но что единственно чувство и сознаніе долга служатъ основными отличительными особенностями человѣческой природы. Выше мы уже имѣли случай указать на то, что идея долга, по самому своему существу, необходимо предполагаетъ реальную наличность свободной воли. Если человѣкъ не свободенъ въ своихъ рѣшеніяхъ и поступкахъ; если направленіе его дѣятельности не обусловлено его свободнымъ усмотрѣніемъ, личнымъ произволомъ; если, вообще говоря, существо человѣка составляетъ только его тѣло, а желанія его, равно какъ и поступки, зависятъ исключительно отъ случайныхъ процессовъ, совершающихся въ его тѣлѣ по неизбежнымъ, механическимъ законамъ матеріи, — если все это такъ, то очевидно, что человѣкъ и не можетъ имѣть никакихъ

обязанностей ни по отношенію къ себѣ самому, ни, тѣмъ болѣе, по отношенію къ другимъ, и что вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признавъ отвѣтственнымъ за свои дѣйствія. Существо безъ долга и нравственныхъ обязанностей, существо беззаконное и ни за что не отвѣтственное—вотъ чѣмъ былъ бы человѣкъ лишенный свободы и независимости воли. Родители убивающіе своихъ дѣтей, дабы избавиться отъ заботъ и бремени ихъ воспитанія, и дѣти умерщвляющія своихъ родителей, въ видахъ скорѣйшаго полученія наслѣдства,—и тѣ и другія, при отсутствіи въ человѣкѣ свободной воли, нисколько не отвѣчали бы за свои дѣянія и нравственно ничѣмъ не отличались бы отъ родителей жертвующихъ всѣмъ, не исключая и жизни, для счастья и благосостоянія своихъ дѣтей, и отъ дѣтей, подвергающихъ себя самымъ тяжкимъ лишениямъ и трудамъ, лишь бы выполнить лежащія на нихъ, по отношенію къ ихъ семьѣ обязанности. Неронъ и Аттила, эти бичи человѣчества, не взирая на всю ихъ кровавадную, безчеловѣчную тираннію, не заслуживали бы ни малѣйшаго порицанія или осужденія и, съ точки зрѣнія нравственности, стояли бы на одной доскѣ съ тѣми благодѣтелями людского рода, съ тѣми благородными государями, которые всѣ свои силы и жизнь посвящали дѣлу прогресса и духовнаго развитія своихъ подданныхъ.

Вотъ ближайшія практическія послѣдствія, логически вытекающія изъ основныхъ принциповъ матеріалистической доктрины. Я убѣжденъ, что многіе, изъ числа исповѣдующихъ эту доктрину, ужаснутся, прочитавши предыдущія строки, и готовы будутъ заявить, что они, оставаясь матеріалистами, энергично отвергаютъ такіе чудовищные, отвратительные, съ нравственной точки зрѣнія, выводы. И это вполнѣ понятно. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, свѣтлыхъ, благородныхъ умовъ, въ погоню за истиной, попадають въ ловушку антиспиритуалистической лжи только потому, что не хотятъ или не могутъ внимательно присмотрѣться къ ней и задуматься хоть сколько нибудь серьезно надъ тѣми пагубными послѣдствіями для практической жизни, къ которымъ неминуемо ведетъ эта ложь!

И однако, послѣдствія эти представляются именно такими, какими изложены они нами сей часъ.

Для того, чтобы насъ не заподозрили въ преувеличеніи или утрировкѣ, резюмируемъ вкратцѣ основныя положенія матеріализма.

„Бога нѣтъ“, утверждаютъ антиспиритуалисты. „Лишенный всякихъ духовныхъ силъ и духовной жизни вообще, человѣкъ является простымъ тѣлеснымъ механизмомъ, всѣ движенія котораго, мысли и хотѣнія зависятъ исключительно отъ воздѣйствія физическихъ законовъ на матеріальный субстратъ организма. Понятіе свободы человѣческой воли—абсурдъ, измышленіе фантазіи. Религіозныя идеи, заколонившія и смущающія сознание человѣчества, представляются просто плодомъ больного воображенія и не имѣютъ никакой объективной основы въ реальномъ мірѣ. Добродѣтель и порокъ, право и обязанность, самопожертвованіе и преступленіе, все это—пустыя слова, звуки, лишеныя всякаго смысла. Общество не имѣетъ права награждать своихъ членовъ за добродѣтельные поступки, какъ не имѣетъ права и наказывать ихъ за преступленія и правонарушенія вообще, потому что и тѣ, и другія дѣянія одинаково являются результатомъ дѣйствія неизбѣжныхъ, безсознательныхъ законовъ природы и всегда обусловлены исключительно случайными движеніями атомовъ матеріи, равнымъ образомъ лишенной какого бы то ни было сознанія“.

Таковъ житейскій кодексъ Карла Фохта, Бюхнера и прочихъ матеріалистовъ.

Попробуемъ принять на время этотъ кодексъ и, согласно его предписаніямъ, отрѣшимся отъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій, отвергнемъ нравственный законъ, основанный на идеѣ долга, и вычеркнемъ изъ нашего сознанія понятіе міровой справедливости.

Что же будетъ потомъ? Чѣмъ станеть руководствоваться человѣкъ въ своей жизни—въ сохраненіи своего существа, его развитіи и самоусовершенствованіи, о которомъ говорятъ, открываемыя матеріализмомъ, блестящія перспективы новой цивилизаціи, новаго прогресса? Гдѣ будетъ почерпать человѣкъ силу для этого движенія впередъ, и къ какимъ мѣрамъ станеть прибѣгать онъ для организаціи своего земного благосостоянія?

Всѣ матеріалисты согласны между собою въ томъ, что переворотъ необходимъ, что Господь долженъ быть низвергнутъ съ воздвигнутаго ему въ людскихъ сердцахъ трона, и что сознание человѣка должно быть освобождено отъ излишняго бремени долга и совѣсти. Всѣ они въ этомъ согласны между собою. Но это трогательное единодушіе сейчасъ же разстроивается какъ только рѣчь зайдетъ о формѣ будущей организаціи человѣчества, на новыхъ началахъ, о фактическомъ возрожденіи его на почвѣ матеріализма и о мѣрахъ и средствахъ для наполненія той пустоты, которая неминуемо должна получиться въ умѣ и сердцѣ человѣка, послѣ умерщвленія въ нихъ всѣхъ изстаринныхъ чувствъ и убѣжденій. Въ этомъ отношеніи, въ средѣ матеріалистовъ существуетъ полнѣйшее разногласіе. Одни изъ нихъ увѣряютъ, что воспитаніе и развитіе дѣтей въ лонѣ семьи совершенно достаточны для того, чтобы подготовить ихъ къ общественной жизни и сдѣлать достойными ихъ назначенія. Другіе матеріалисты, напротивъ, признаютъ бракъ институтомъ противнымъ природѣ человѣка и, сообразно этому, требуютъ уничтоженія семьи, полагаютъ, что общество одно способно и должно брать на себя заботу о развитіи подрастающихъ поколѣній, воспитаніе которыхъ цѣликомъ слѣдуетъ предоставить рачительно организованному вѣдомству народнаго (общественнаго) просвѣщенія. Нѣкоторые, далѣе, всѣ свои надежды, въ отношеніи будущаго прогресса человѣчества, возлагаютъ на неограниченное проведеніе въ жизнь принципа политической свободы. И, наконецъ, Геккель, въ сравнительно недавнее время, заявилъ, что природныя инстинкты человѣка, — тѣ самыя, которые являются одинаково врожденными какъ у людей, такъ и у лягушекъ, муравьевъ, волковъ и свиней, — что эти инстинкты, сами по себѣ, совершенно достаточны для того, чтобы открыть человѣчеству путь къ истинѣ, прогрессу и цивилизаціи.

Оставимъ въ сторонѣ эти и имъ подобныя разногласія въ средѣ проповѣдниковъ матеріализма. Большинство послѣднихъ, значительно расходясь въ деталяхъ, сходятся на томъ основномъ положеніи, что и въ новой, предлагаемой матеріалистами, организаціи человѣческаго обществія, образованіе и воспитаніе юношества должно

играть не менѣе важную роль, чѣмъ и при нынѣшнемъ строе чело-
вѣчества. Но какую цѣль поставить себѣ это воспитаніе на но-
выхъ началахъ? Къ чему будетъ стремиться оно? Какими сред-
ствами и приемами предполагають осуществлять его будущіе про-
свѣтители челоѣческаго рода?

Мы знаемъ уже, — это впервые открылъ міру Бюхнеръ, — что
„цѣль челоѣческаго существованія сводится къ пользованію жизнью
и къ производству, на почвѣ хорошаго питанія и рациональной
дѣтв, возможно большаго количества фосфора, изъ котораго воз-
никають правильныя идеи и благородныя чувства. Всѣ наши ста-
ранія должны быть направлены къ пользованію удовольствіями, ко-
торыя матерія предлагаетъ челоѣку подъ неисчислимо разнообраз-
ными формами. Всякое другое стремленіе, всякая другая цѣль пред-
ставляются, въ основѣ, отрицаніемъ челоѣческой природы“. —
Что же? Проектируемое воспитаніе, на новыхъ началахъ, должно
положить въ основу своей программы эти принципы Бюхнера, раз-
считанные на развитіе въ челоѣкѣ тѣлесныхъ вождельній и спо-
собности къ удовлетворенію ненасытной потребности въ удоволь-
ствіяхъ, или же оно будетъ призвано осуществить задачу нрав-
ственнаго развитія челоѣка и внушенія ему началъ истинной до-
бродѣтели? — Но, въ послѣднемъ случаѣ, мы снова возвращаемся
къ религіознымъ и моральнымъ догматамъ, которые мы, въ угоду
матеріализму, условились отбросить на время, какъ нелѣпыя, уста-
рѣлыя предрасудки, и рискуемъ заслужить, со стороны господъ
антиспиритуалистовъ, обвиненіе въ желаніи подорвать и подавить
челоѣческую природу. Однако, допустимъ, — какъ это дѣлають
нѣкоторые проповѣдники матеріализма, — что, по очевидному и не-
понятному противорѣчію, мы все-таки остановимся на началахъ
чистой и религіозной морали, но станемъ преподавать и внушать
ихъ юношеству не во имя идеи долга и божества, но во имя свойствъ
матеріи и требованій физическихъ законовъ тѣла. Есть ли какая
либо возможность, при такой постановкѣ вопроса, примирить по-
добное ученіе съ социальными основами матеріалистическаго общества?

Представимъ себѣ, что отецъ, обучая и вразумляя своихъ дѣ-
тей, станетъ говорить имъ: „Будьте разсудительны, мои милые, не

пьянствуйте и не творите худыхъ дѣлъ. Напротивъ того, старайтесь дѣлать дѣла добрыя, способныя содѣйствовать развитію и усовершенствованію каждаго изъ васъ въ отдѣльности, равно какъ и благосостоянію всей семьи. Живите въ любви и согласіи. Не заглядывайтесь на жену своего ближняго и не желайте ея. Подождите, пока настанетъ ваше время, и тогда каждый изъ васъ пусть выберетъ себѣ жену и вкуситъ съ нею сладость семейнаго счастья“.

Такъ будетъ поучать отецъ своихъ дѣтей. Но, едва успѣетъ онъ кончить свое поученіе, какъ одинъ изъ послѣднихъ, — не трудно предвидѣть, что это непременно должно случиться, — возьметъ въ руки кодексъ матеріалистической доктрины и, заглянувши въ него, возразитъ отцу-наставнику: „Но, отецъ! у насъ, вѣдь, нѣтъ свободной воли, и потому мы не можемъ обѣщать, что дѣйствительно послѣдуемъ твоимъ совѣтамъ. Наши идеи, мысли, чувства и рѣшенія зависятъ исключительно отъ движеній въ нашемъ головномъ мозгу, въ свою очередь обусловленныхъ только качествами пищи, вводимой въ наши желудки, и свойствами, вдыхаемаго нашими легкими, атмосфернаго воздуха. Въмѣсто того, чтобы давать намъ совѣты, которые, во всякомъ случаѣ, не могутъ имѣть на насъ никакого вліянія, такъ какъ мы лишены свободы воли, — вмѣсто этого, ты лучше позаботься о нашей пищѣ и старайся кормить насъ постоянно такими блюдами, которыя были бы способны доставлять нашему мозгу атомы чистаго фосфора — этого элемента, который одинъ производитъ хорошія идеи, добрыя желанія и рѣшенія, и который одинъ въ состояніи вести насъ къ указываемому намъ тобою прогрессу. Что же касается твоихъ понятій о бракѣ, то они слишкомъ ошибочны и являются лишь запоздалымъ отголоскомъ твоихъ ложныхъ, бессмысленныхъ системъ, религіозныхъ и моральныхъ, отъ которыхъ человѣчество успѣло уже окончательно отрѣшиться. Вотъ, отецъ, книжка Бюхнера, *О матеріи и силѣ*. Посмотри, что написано въ ней. „Бракъ есть случайное и добровольное единеніе половъ. Супружеская вѣрность является бессмысленнымъ ограниченіемъ. Искусственный выкидышъ составляетъ несомнѣнное и естественное право родителей“. — А вотъ, что говоритъ другой учитель, Feuerbach: „Дѣлайте все, чего требуютъ ваши желанія

и природныя склонности, потому что было бы глушостью — не удовлетворять всякой своей страсти. Хорошимъ представляется все, что полезно человѣку и что отвѣчаетъ его желаніямъ, а благодареніе есть ни что иное, какъ эгоизмъ*.

Трудно сказать, что могъ бы отвѣтить отецъ на такое возраженіе своего сына, разъ, при общепризнанности матеріалистической доктрины, свобода человѣческой воли будетъ объявлена миеомъ, плодомъ больного воображенія. Но не трудно заравѣ предвидѣть, что совѣты отца останутся безъ всякаго вліанія на его дѣтей.

Каковы же будутъ публичныя проповѣди этихъ просвѣтителей на новыхъ началахъ? Что скажутъ народу матеріалисты, призванные поучать его и радѣть объ его общественномъ благоустройствѣ?

— Трудитесь, — скажутъ эти учителя народу, — трудитесь и пользуйтесь свободно плодами трудовъ вашихъ. Уважайте чужую собственность, уважайте жизнь и честь собратій вашихъ. Не ополчайтесь на вашего ближняго и не враждуйте съ нимъ, но любите его и благотворите ему. Если жизнь поразитъ васъ своими горькими испытаніями, если тяжкій недугъ прикуетъ васъ къ постели, а смерть любимыхъ вами существъ отравитъ ваше собственное существованіе, — то не надѣйтесь на будущее и не ждите въ будущемъ облегченія, потому что все зависитъ только отъ неизбѣжныхъ законовъ природы, которыхъ никакая сила не можетъ ни измѣнить, ни отвратить.

— Прекрасно! скажетъ рабочій, выслушавши такое глубокое поученіе, — все это прекрасно! Но, я слыхалъ, была такая книга, въ которой было написано: Не кради, не прелюбодѣйствуй, не лжесвидѣтельствуй, люби твоего ближняго, какъ самого себя. Соблюдай сіи заповѣди, потому что, если ты нарушишь ихъ, то отвѣтишь за это передъ людскими законами и предъ Господомъ. Среди житейскихъ тревоженій будь твердъ и не дай умереть надеждѣ въ сердцѣ твоёмъ. Не думай, что смерть любимыхъ тобою есть полное разрушеніе и окончательное уничтоженіе ихъ. — Такъ было написано въ старой книгѣ. Но вы вырвали ее изъ моихъ рукъ и, вмѣсто нея, дали мнѣ кодексъ Прудона и Фохта, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее: „Собственность есть воровство. Убившій своего ближняго ни сколько не отвѣчаетъ за свое дѣяніе,

потому что человекъ лишенъ свободной воли. Законы, опредѣляющіе кару за преступленія, несправедливы и тираничны, такъ какъ они наказываютъ дѣянія обусловленныя исключительно необходимыми естественными законами, противиться которымъ человекъ не въ силахъ*. Такъ гласитъ вашъ кодексъ. Вы отняли у меня всѣ надежды и упованіе будущей жизни, и повергли меня въ бездну безнадежности и отчаянія. Къ чему же теперь хотите вы вернуть меня къ устарѣлымъ понятіямъ о такъ называемой добродѣтели, объ уваженіи несуществующихъ правъ и объ исполненіи какихъ то смѣшныхъ обязанностей? — Нѣтъ, теперь я отвергаю ваше подававшее ученіе и предпочитаю сообразоваться, въ своей дѣятельности, съ принципами, которые установили вы сами—вы, учителя и проповѣдники матеріализма. Человѣчество уже приняло вашу доктрину и отрѣшилось уже отъ религіозныхъ предрасудковъ и глупыхъ началъ бессмысленной морали. Чего же хотите вы теперь?

Мы не знаемъ, что отвѣтить бы на это новый просвѣтитель народа. Но очевидно, что разсужденіе рабочаго вполне послѣдовательно, и что, съ точки зрѣнія логики, послѣднее слово должно остаться за нимъ.

Что сказать, далѣе, о политической свободѣ на почвѣ матеріализма? Да и что такое политическая свобода, разъ личность лишена внутренней свободы воли и дѣятельности? Если человекъ, по природѣ своей, несвободенъ, если идеи права и долга ложны, химеричны, то на чемъ можетъ основываться политическая свобода? Если тиранъ, связывающій меня и подавляющій мою дѣятельность, не нарушаетъ этимъ моихъ правъ; если, повергая меня въ рабство, онъ не поступаетъ противно требованіямъ моего природнаго существа; если я, по естественному порядку вещей, не свободенъ,—то на какомъ основаніи и по какому праву стану я возмущаться противъ связывающаго мою свободную волю деспотизма, когда такой воли и не существуетъ вовсе?—Вѣдь, никто не можетъ лишить меня силы или способности, которыхъ у меня нѣтъ. Hobbes и Newald, утверждающіе, что тиранія и рабство являются необходимыми общественными институтами, оказываются, по крайней мѣрѣ, вполне логичными и послѣдовательными, съ точки зрѣнія своихъ матеріалистическихъ принциповъ. Но тѣ матеріалисты, которые, отвергая свободу человѣ-

ческой воли, на ряду съ этимъ, находятъ возможнымъ говорить о какой то политической свободѣ и политическихъ вольностяхъ личности,—такіе матеріалисты сами осуждаютъ свою собственную доктрину и подобными противорѣчіями доказываютъ только, что они далеко не искренни въ своей проповѣди, что они просто обманываютъ и смущаютъ толпу, сознательно играя въ руку ея грязнымъ похотямъ и страстямъ. Въ обществѣ, въ которомъ господствовала бы догма отрицанія нравственной свободы личности, въ такомъ обществѣ социальная власть и социальные институты могли бы покоиться единственно на физической силѣ—на тѣлесномъ принужденіи, на мечѣ и оковахъ. И если даже вы отнимете бичъ физическаго насилія изъ рукъ одного властителя и передадите его въ руки многихъ; если вы организуете систему неограниченной политической свободы, основанную на непринужденной волѣ всего народа, лишеннаго нравственныхъ началъ и религіозныхъ убѣжденій,—то и тогда вы ровно ничего не выиграете отъ такой перемены количественнаго состава власти, потому что ваше общество, при этихъ условіяхъ, будетъ лишь цѣлымъ скопищемъ Нероновъ и Аттилъ, а не обществомъ прогресса и цивилизаціи. Оно не будетъ даже обществомъ людей, и въ немъ заглухнетъ самый инстинктъ самосохраненія, потому что граждане вашего матеріалистическаго государства не будутъ знать пощады къ себѣ подобнымъ и будутъ бить и терзать другъ друга, какъ дикіе звѣри.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ животныя существа одарены естественными инстинктами, составляющими необходимый и непреложный законъ ихъ жизни. Благодаря именно этимъ инстинктамъ, различные виды животныхъ могутъ сохраняться и выполнять свое назначеніе въ безпредѣльномъ мірѣ живой природы. Что касается присущихъ человѣку инстинктовъ, то они, съ одной стороны, не простираются далѣе сферы первыхъ элементарныхъ потребностей его тѣла и требованій сохраненія и продолженія рода, а, съ другой, значительно отличаются отъ инстинктовъ прочихъ животныхъ, такъ какъ послѣдніе всегда являются устойчивыми и неизмѣнными, между тѣмъ какъ инстинкты, врожденные человѣку, легко поддаются измѣненіямъ и даже могутъ быть совершенно подавляемы силою его сво-

бодной воли. Упраздня совѣсть, виѣсть со всѣми нравственными и религіозными принципами, и предлагая замѣнить ихъ одними общежительными инстинктами человѣка, Геккель строилъ свои соображенія исключительно на наблюденіи жизни животныхъ и, по даннымъ этого наблюденія, сдѣлалъ заключеніе о томъ положеніи, въ которомъ оказался бы человѣкъ, безъ религіи и нравственныхъ началъ, основанныхъ на свободѣ воли. „Взгляните на пчелъ и муравьевъ“, говоритъ Геккель. „Попробуйте разрыть муравьиное гнѣздо, и вы сейчасъ увидите, какая тревожная бѣготня и усиленная дѣятельность подымутся въ средѣ этихъ маленькихъ гражданъ, очевидно заботящихся каждый не столько о спасеніи собственнаго существованія, сколько объ огражденіи и защитѣ излюбленнаго общежитія, къ которому они принадлежатъ. Храбрые воины начнутъ сопротивляться разрушительнымъ движеніямъ вашихъ пальцевъ: муравьи, занятые воспитаніемъ молодыхъ поколѣній, суетливо забѣгаютъ, спасая яички гнѣзда, а рабочіе бросаются воздвигать, на развалинахъ старыхъ, новыя постройки.—Организація муравьевъ и пчелъ создалась исключительно въ виду естественныхъ нуждъ общежитія, на почвѣ врожденныхъ инстинктовъ. Такимъ же образомъ возникло и наше соціальное развитіе“.—Вотъ, по истинѣ, странное мнѣніе—мнѣніе, что будто бы своимъ общественнымъ прогрессомъ человѣчество обязано исключительно животнымъ инстинктамъ людей ничѣмъ не отличающимся отъ инстинктовъ муравья и пчелы. Только человѣкъ ослѣпленный матеріалистическимъ фанатизмомъ могъ выдумать и провозгласить подобный абсурдъ. Для этого, дѣйствительно, нужно было быть слѣпымъ, потому что именно знакомство съ бытомъ пчелъ и муравьевъ показываетъ, на сколько ошибочно смѣшивать инстинктивную нравственность, если только здѣсь умѣстно такое слово, съ истинною нравственностью долга и свободы. Правда, что муравьи и пчелы, въ случаѣ опасности, встаютъ на защиту своихъ общежитій и выполняютъ необходимыя работы для спасенія и возстановленія своихъ жилищъ; но они дѣлаютъ все это исключительно въ силу безсознательной, инстинктивной энергіи, которой они сами не могутъ противиться. Можно ли сказать то же самое и о человѣкѣ?—Когда страна подвергается опасности, то инстинктъ

самоохраненія внушаетъ каждому гражданину заботиться исключительно объ огражденіи и спасеніи своего собственнаго существованія. Для того же, чтобы стать на защиту общества и подвергать свою жизнь опасности, для спасенія родины, онъ долженъ сначала выдержать борьбу съ самимъ собою и побѣдить свои природныя инстинкты, побѣдить самого себя. Вотъ почему не всѣ граждане каждаго государства посвящаютъ свои силы защитѣ отечества, какъ это дѣлаютъ муравьи и пчелы. Человѣкъ любитъ родину въ силу долга, выбора, непринужденнаго чувства, любить, не въ примѣръ муравьямъ и пчеламъ, свободною любовью, а не по необходимому влеченію инстинкта.

Оказывая отечеству тѣ или иные услуги и принося въ жертву ему свои силы, достоиніе и жизнь, человѣкъ дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ неизбѣжной необходимости, не вслѣдствіе давленія непреложныхъ императивовъ инстинкта, а въ силу свободнаго самоопредѣленія, потому что онъ самъ хочетъ такъ поступать, приобретаая, своимъ благороднымъ поведеніемъ, любовь и уваженіе согражданъ. Если бы общежительные инстинкты человѣка, взятые сами по себѣ, были бы совершенно достаточны для сохраненія, рациональнаго устройства, развитія и прогресса общества, то они были бы одинаковы и проявлялись бы въ одинаковыхъ формахъ у всѣхъ людей, населяющихъ землю, а цивилизація и социальный строй людскихъ обществъ были бы равны и однообразны повсюду, какъ повсюду равны и одинаковы формы дѣятельности и быта въ мірѣ животныхъ, къ которымъ стараются приравнять насъ апостолы матеріализма. Животное дѣйствуетъ всегда по врожденной ему физической необходимости, сообразной его природѣ, и потому всегда и повсюду дѣйствуетъ однообразно, въ однихъ и тѣхъ же устойчивыхъ, непреложныхъ формахъ, въ качествѣ простой единицы вида и рода къ которымъ оно принадлежитъ. Одинъ только человѣкъ, среди всего творенія, дѣйствуетъ, какъ личность, въ силу собственныхъ своихъ индивидуальныхъ желаній и съ неограниченною свободою личной воли, и на всѣ свои поступки накладываетъ печать личной энергіи, не зависящей отъ какихъ бы то ни было инстинктивныхъ влеченій и не имѣющей ничего общаго съ естественною необходимостью. Будучи подчинены устойчивымъ и неизмѣннымъ законамъ

природы, всё животные виды не имѣютъ исторіи. Описаніе признаковъ животнаго и свойствъ его дѣятельности въ данное время и въ данномъ мѣстѣ—составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его естественную исторію для всѣхъ эпохъ и для всѣхъ странъ. Единственное исключеніе, въ этомъ отношеніи, въ средѣ всѣхъ твореній, представляетъ собою человекъ. Онъ одинъ обладаетъ силою и способностью высвободиться изъ-подъ единообразнаго и неизмѣннаго вліянія законовъ природы, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ живетъ лишь тѣлесно. Человекъ—и только онъ—можетъ эманципироваться изъ-подъ гнета естественной необходимости и, совершенствуясь самъ и совершенствуя все окружающее его, можетъ создавать исторію, въ собственномъ смыслѣ слова, съ ея калейдоскопомъ варіацій и разнообразія характеровъ, формъ и свойствъ дѣятельности, вѣчно измѣняющихся отъ народа къ народу, изъ эпохи въ эпоху и отъ личности къ личности. Только человекъ доступенъ сожалѣнію и сочувствію, и только ему доступны пластическое воображеніе и творческая мысль. Только человекъ, по собственному усмотрѣнію и произволу, разрушаетъ жилища и города и снова воздвигаетъ ихъ, селясь въ нихъ подъ разнообразнѣйшими формами личнаго и общественнаго быта. Единственно человекъ самъ полагаетъ для своей дѣятельности законы, правила и ограниченія; онъ одинъ организуетъ правовые институты, учреждаетъ правительство и общественную администрацію, живя, сохраняясь, развиваясь и прогрессируя, не взирая на крайнее разнообразіе, а порою и полную противоположность устанавливаемыхъ имъ законовъ, институтовъ и формъ правленія. Онъ одинъ въ состояніи регулировать, по собственному произволу, дѣйствіе естественныхъ законовъ матеріи и, открывая тайны природы, создавать искусства и науку. Но, для достиженія всего этого, человекъ долженъ постоянно и настойчиво бороться и побѣждать. Онъ борется, съ требованіями и вождѣтвіями своего тѣла, борется съ законами природы, часто жѣвшающими успѣхамъ его дѣятельности,—борется наконецъ, противъ себѣ подобныхъ, съ цѣлью подавить затемняющіе истину предрасудки и предубѣжденія, или съ цѣлью опровергнуть ложныя доктрины, слящіяся низвести его на степенъ простой органической машины и убить въ немъ источникъ всякаго прогресса

и нравственной жизни. И эта вѣчная, непрерывная и неустанная борьба, ведомая человекомъ, служить лучшимъ и самымъ поразительнымъ доказательствомъ свободы его воли.

5. Заключение.

Мы такъ долго остановились на вопросѣ о свободѣ человеческой воли, имѣя въ виду то въ высшей степени важное значеніе, которое принадлежитъ этому психологическому факту, въ дѣлѣ опроверженія антирелигіозной доктрины. Убѣдившись въ его крайне невыгодномъ значеніи для этой доктрины, материалисты направили всѣ свои старанія къ тому, чтобы, путемъ софизмовъ, натяжекъ и quasi-научныхъ приемовъ сохитительнаго свойства, затемнить истину, въ справедливости которой *bona fide* едва ли кто либо можетъ усомниться. Задумавши разрушить всѣ основы религіозныхъ убѣжденій и убить идею о существованіи Бога и души, они, въ концѣ концовъ, повалили, что, для достиженія этой цѣли, имъ прежде всего слѣдовало вырвать изъ сознанія человечества и науки понятіе о свободѣ человеческой воли. Фактъ реальности въ человекѣ этой силы, этой свободы воли равносильна существованію въ немъ духовнаго, нематеріальнаго элемента и служитъ очевиднымъ доказательствомъ объективной истинности религіозныхъ убѣжденій человечества. Духовная сила, обладающая противными матеріи свойствами и не подчиненная механическимъ законамъ тѣла, не могла возникнуть изъ матеріи и необходимо должна быть произведеніемъ всемогущей духовной причины, способной производить противныя матеріи существа, независимыя отъ космическихъ законовъ. Система материализма и фактъ свободы человеческой воли совершенно непримиримы между собою, и принятіе первой необходимо исключаетъ признаніе послѣдняго. Кто сознаетъ, что имѣетъ свободную волю, тотъ не материалистъ, и кто принимаетъ антиспиритуалистическую доктрину, тотъ долженъ, если хочетъ быть послѣдовательнымъ и не желаетъ становиться въ противорѣчіе со своимъ міровоззрѣніемъ, признать, что человекъ—простая машина, безъ сознанія и самоопредѣленія, неспособная на свободную, произвольную дѣятельность и потому нисколько не отвѣтственная за свои поступки.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки